

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства»

Обучающийся

Е.О. Марченко

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. мед. наук, Т.В. Моисеева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы обусловлена недостаточной проработкой вопросов совершенствования уголовно-процессуального законодательства в рамках доктринальных исследований. Ряд вопросов остаются не в полной мере исследованным в научной литературе.

Объектом исследования являются проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Предметом исследования является уголовно-процессуальное законодательство, а также научная литература и судебная практика по вопросам темы исследования.

Цель исследования – выявить особенности и проблемы уголовно-процессуального законодательства, а также разработать предложения по его совершенствованию.

Структура работы определена целью и поставленными задачами исследования. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Теоретико-правовые основы уголовно-процессуального законодательства.....	7
1.1 История становления и развития уголовно-процессуального законодательства.....	7
1.2 Понятие и значение уголовно-процессуального законодательства ..	15
1.3 Характеристика структуры и принципов уголовно-процессуального законодательства.....	17
Глава 2 Актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства.....	20
2.1 Проблемы в сфере досудебного производства.....	20
2.2 Проблемы в сфере судебного производства.....	22
Глава 3 Направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства	33
3.1 Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере досудебного производства	33
3.2 Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере судебного производства.....	36
Заключение.....	42
Список используемой литературы и используемых источников.....	46

Введение

Важное значение для реализации уголовно-процессуальных отношений занимают нормы, на которых они базируются. Главным образом, речь идет о уголовно-процессуальном законодательстве, которое и по сей день не лишено недостатков. При этом следует констатировать, что за все время существования уголовно-процессуального законодательства в него неоднократно вносились поправки, направленные на совершенствование правовых положений с учетом актуализирующейся проблем.

Так, например, на сегодняшний день практическая реализация мер безопасности участников уголовного судопроизводства демонстрирует определенные законодательные пробелы и недостатки. Так, регламентация оснований и условий, которые необходимы для реализации права на безопасность, содержит в себе оценочные термины, которые способствуют складыванию не в полной мере единообразной практики правоприменения. Более того, это способствует возникновению противоречий между обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства и принципом состязательности.

Нельзя оставить без внимания и наличие трудностей в реализации своих прав в данной сфере со стороны таких участников уголовного судопроизводства как подозреваемый и обвиняемый. В свою очередь, это связано с недостаточным правовым регулированием данных вопросов. Как следствие, вышеуказанные правовые пробелы сказываются негативно на эффективном воплощении мер безопасности участников уголовного судопроизводства.

Более того, проблемы имеются и в сфере регламентации положений, относящихся к принципам уголовно-процессуального законодательства, которые имеют первостепенное значение для реализации общественных отношений в данной сфере.

Актуальность темы обусловлена недостаточной проработкой вопросов совершенствования уголовно-процессуального законодательства в рамках доктринальных исследований. Ряд вопросов остаются не в полной мере исследованным в научной литературе.

Вместе с тем, отдельные аспекты совершенствования уголовно-процессуального законодательства нуждаются в анализе, выявлении проблематики и обосновании направлений по совершенствованию в данной сфере.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-процессуальных вопросов.

Предметом исследования является уголовно-процессуальное законодательство, а также научная литература и судебная практика по вопросам темы исследования.

Целью выпускной квалификационной работы является выявление особенностей и проблем уголовно-процессуального законодательства, а также разработка предложений по его совершенствованию.

Для достижения целей на рассмотрение были поставлены следующие исследовательские задачи:

- проанализировать историю становления и развития уголовно-процессуального законодательства;
- указать понятие и значение уголовно-процессуального законодательства;
- дать характеристику структуре и принципам уголовно-процессуального законодательства;
- выявить проблемы в сфере досудебного производства;
- обозначить проблемы в сфере судебного производства;
- определить перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Теоретическая основа исследования. Вопросы проблем совершенствования уголовно-процессуального законодательства

рассматривались в трудах различных авторов как на уровне диссертационных исследований, монографий, учебников, так и большое количество посвящено этому научных статей. Среди представителей, которые занимались анализом данных аспектов, можно указать таких авторов, как Л.А. Александрова, М.Ю. Бекетов, Н.В. Григорьева, Р.С. Дзусов, А.А. Дмитриева, О.А. Зайцев, Э.К. Кутуев и другие.

Нормативной правовой основой исследования являются Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и другие нормативные правовые акты (далее – ФЗ № 119) и другие нормативные правовые акты.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: анализ, синтез, формально-юридический, сравнительно-правовой, нормативно-логический, системно-структурный и другие методы.

Структура работы определена целью и поставленными задачами исследования. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовые основы уголовно-процессуального законодательства

1.1 История становления и развития уголовно-процессуального законодательства

Становление уголовно-процессуального законодательства датируется еще периодом существования Древнерусского государства. Именно тогда начали зарождаться основные институты уголовно-процессуального права, которые характерны и для современного времени.

В дореволюционный период формировались основы судебной системы, которые затем претерпели значительные трансформации в ходе революционных событий начала XX века. После Октябрьской революции 1917 года начался этап радикальных изменений, связанных с созданием советской системы правосудия, где особое место занимали новые принципы и процедуры, соответствующие коммунистической идеологии. В советский период законодательство развивалось под влиянием идеологических требований, что привело к созданию специальных кодексов и нормативных актов, регулирующих уголовный процесс.

После распада Советского Союза в начале 1990-х годов Россия столкнулась с необходимостью формирования нового правового поля, соответствующего демократическим ценностям и принципам верховенства закона. В этот период началась активная работа по созданию современного уголовно-процессуального законодательства, которое должно было обеспечить баланс между защитой прав человека и эффективностью борьбы с преступностью. В результате были приняты новые Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также ряд нормативных актов, регулирующих процедуры расследования, судебного разбирательства и исполнения судебных решений.

Например, развитие института доказывания в истории российского государства имеет длительную историю. Обоснованно, указывается в

правовой литературе, что история данного института писалась не с чистого листа и была основана, сначала, на представлениях древних народов о правдивости и доказывании лжи (например, посредством испытания огнем, водой, пищей и тому подобное), а потом на достижениях уголовного процесса в Древней Руси, Московском, Русском централизованном государстве, Российской империи и СССР [12].

Поэтому генезис становления и формирования рассматриваемого института традиционно можно представить поэтапно:

- 1 этап – развитие в древнерусском государстве,
- 2 этап – развитие в Русском централизованном государстве,
- 3 этап развитие в Российской империи,
- 4 этап – развитие в СССР при советской власти,
- 5 этап – развитие в современный период в условиях Российской Федерации.

Рассуждая о доказывании у древних народов, населявших Древнюю Русь можно четко сказать, что данный институт был крайне несовершенный. Он основывался на языческих представлениях, затем на религиозных (церковных) представлениях о вине, доказывании правды говорящего и свидетельствующего, применении системы ритуалов и обрядов. Однако, уже в то время складывалось представление о допустимости и недопустимости доказательств, происходила их формализация. Так, в Договоре 911 г. Византии с Русью упоминается присяга, выступавшая способом проверки доказательства, а далее, начиная с X в., признаваемым на нормативном уровне способом доказывания, например, через крестоцелование, ордалии [9].

Тем самым, потребность в развитии института доказывания в Древнерусском государстве была очевидной. В условиях сословного общества и распространения православия на Руси на первый план стали выходить религиозные способы доказывания, а также сословно-обусловленные средства доказывания (в частности, слова хозяева (купца) челяди, ст. 12 Договора 911 г.).

Институт доказывания был еще достаточно казуальный, слабо и отрывочно регламентированный, теоретически необоснованный [10].

Хотя, с другой стороны, это свидетельствует о том, что уже происходила формализация доказательств и создание отечественной теории доказательств с уклоном к формальной основе ее понимания, недопустимости превалирования сословного и имущественного признаков в оценке доказательств.

Однако, уже на втором этапе развития института доказывания наблюдается резкий скачок в юридической технике регулирования института доказывания, поскольку были приняты и применялись такие достаточно сильные по использованию правил юридической техники нормативные акты как Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Соборное уложение 1649 г. [26], [27], [25].

Значимо, что в этих актах уже четко проводятся отличия письменных (например, грамота дьяка (ст. 19 Судебника 1497 г.)) и вещественных доказательств, формируется понимание допустимых доказательств (как, например, показания обвиняемого (ст. 52 Судебника 1550 г.)), недопустимых доказательств (например, ложный донос, посул (ст. 4 Судебника 1550 г., ст. 10 Соборного уложения 1649 г.), показания с чужих слов (ст. 20 Псковской ссудной грамоты)), возможность осуществления пыток, предоставления новых доказательств и в экстраординарных стадиях уголовного процесса [24].

Конечно, на втором этапе развития института доказательств в уголовном процессе не было создано еще понятной системы доказательств, четких норм об их применении, доказательства в уголовном процессе имели религиозный оттенок, не всегда были объективно оцениваемыми. Но, в тоже время, можно наблюдать такие достижения в регулировании этого института:

- деление доказательств на письменные и устные (показания),
- деление документов как способов доказательств на обязательные (например, протоколы, фиксировавшие все следственные и судебно-следственные действия) и факультативные (составлялись в зависимости от специфики уголовного дела, но не по каждому) [23],

- все доказательства учитывались судом в их совокупности,
- стремлением законодателя максимально уточнить содержание вида доказательства и порядка осуществления процесса доказывания с целью повысить объективность их оценивания, установить истину по делу.

Третий этап в развитии института доказывания шел более двух веков, от периода правления Петра I и до окончания правления Николая II, когда установилась советская власть. Во многом институт доказывания имел ярко выраженный политический характер и был подвержен влиянию личностных установок, взглядов его правителей.

Учитывая обвинительный характер уголовного судопроизводства до судебной реформы 1864 г., принятие и применение Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее - УСС) стало настоящим прорывом и достижением в доказательственном праве дореволюционного периода [30].

И это стало закономерным, так как в ходе судебной реформы 1864 г. была существенно реорганизована вся существовавшая с XVIII в. судебная система, в которой кардинальное изменение претерпел правовой статус общих и местных судов. В российской науке эту государственную реформу называют наиболее крупным преобразованием на пути модернизации Российской империи, так как отмечалось повышение состязательности, последовательности и демократичности в деятельности судебных органов.

Учитывая это, важным представляется понимание новых положений в системе доказательственного права Российской империи. А среди них, и право подсудимого на защиту, и анализ доказательственной базы по уголовному процессу на основании внутреннего независимого убеждения судьи, и упорядочивание норм о системе доказательств в целом.

Система доказательств второй половины XIX в. и начала XX в., в результате проведенной реформы, стала очень похожей на современную. По уголовным делам использовались все виды судебных доказательств, которые позволяли своевременного и правильно разрешить эти дела: показания всех

участников уголовного процесса, экспертизы, заключение эксперта, письменные доказательства, вещественные доказательства, документы дознания и следствия полученные через «окольных людей», и др. Только показания подсудимого теперь не могли быть положены в основание для предъявления обвинительного заключения и доказывания его вины. Подсудимый получил право вообще отказаться от дачи показаний на любой стадии уголовного судопроизводства. Реализации этого права способствовал и созданный, эффективно себя зарекомендовавший суд присяжных заседателей.

Развиваются и иные институты уголовно-процессуального права. Например, развитие органов следствия можно условно разделить на четыре этапа:

- период, предшествующий реформе 1864 года;
- этап реформы 1864 года;
- советский период;
- нынешний этап в организации органов предварительного следствия.

В период правления Петра Великого устоялась концепция вневедомственного подчинения органов предварительного следствия, которая играла значительную роль в укреплении российской государственности.

С 1723 г. до 1860 г. в Российской империи в компетенцию неспециализированных судебных и административных органов входила функция расследования уголовных дел. Полицейская модель организации предварительного следствия с 1808г. по 1860 г. основывалась на принципах ведомственности, централизованности и универсальности, кроме этого, само производство следствия стало обязанностью судебного пристава, а предварительное расследование было разъединено на дознание и следствие.

В последующем, кардинальное изменение всего уголовного процесса, в общем, и предварительного следствия, в частности, началось с реформ 1860-1864 гг.

На сегодняшний же день предварительное расследование направлено на досудебное установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию

указанных в ст. 73 УПК РФ. На судебном же заседании, основываясь на материалы предварительного расследования, решается вопрос о виновности лица в совершении преступления и назначается наказание. При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением Конституции РФ ст.22, ст.50 [13].

Как указывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «доказательства признаются полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также, если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами» [21].

Основные задачи предварительного расследования – это собирание доказательств, которые составляют предмет доказывания ст.73 УПК РФ, содержащие в себе обстоятельства для установления по каждому уголовному делу

Задачи стадии предварительного расследования:

- быстрое и полное раскрытие преступления;
- изобличение виновных;
- обеспечение правильного применения закона;
- выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер к их устраниению;

В соответствующие государственные органы, общественные организации или должностным лицам вносятся представления о принятии мер к устраниению этих причин и условий.

- принятие мер по обеспечению возмещения материального ущерба в случае причинения преступлением такого ущерба;
- укрепление законности и правопорядка;

Согласно ст. 150 УПК РФ предварительное расследование может осуществляться в форме предварительного следствия или дознания. Возможна и комбинация этих форм, когда дознание предшествует предварительному следствию.

Однако реализация данных форм на практике имеет ряд проблем. Как отмечается в данной связи в научной среде, «дифференцированность процессуальной формы предварительного расследования должна быть сохранена. Система досудебного производства, которую мы сейчас имеем сложилась ещё в СССР, и с тех пор кардинально не менялась. Обусловлено это не консервативностью, а сложностью, с точки зрения реформирования. Вряд ли можно считать эффективной унификацию процессуальной формы предварительного расследования, когда по уголовным делам обо всех категориях преступлений осуществлялся бы единый режим производства в форме предварительного следствия, отягощенного своими долгими сроками и иными процедурными особенностями. Для преступлений небольшой и средней тяжести это было бы не совсем уместно. Столь же мало эффективно, а в некоторой степени рискованно, когда по тяжким и особо тяжким преступлениям проводилось бы более упрощенное и быстрое по своему режиму производство дознание. Кроме того, ликвидация какой-либо из форм предварительного расследования, влечёт за собой и реорганизацию органов предварительного расследования» [31].

Анализ уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран показывает, что процессуальная деятельность органов предварительного расследования является важной составляющей уголовного судопроизводства государства, пусть и с имеющимися существенными отличиями и особенностями в зависимости от исторически сложившегося типа уголовного процесса.

При этом тенденции развития уголовно-процессуальной формы расследования преступлений в зарубежных странах имеют как положительные, так и отрицательные значения, следовательно, требуют своего

изучения, выявления положительного опыта правоприменения, с учётом которых необходимо рассматривать отдельные вопросы совершенствование российского уголовно-процессуального законодательства.

А. Аристархов при этом указывает, что «до принятия УПК РФ такая процедура имелась и в отечественном уголовном процессе в виде протокольной формы досудебной подготовки материалов. К слову сказать, сокращенный порядок предварительного расследования нормативно возник и в нынешний период в лице дознания в сокращенной форме, регламентированном гл. 32.1 УПК РФ. По замыслу законодателя сокращенное дознание должно осуществляться быстрее и с меньшими затратами сил и средств, нежели обычное дознание, и тем более предварительное следствие. Причем его ускорение и удешевление достигается не только сокращением срока производства по уголовному делу, но и путем упрощения процедуры доказывания. Вместе с тем, такое упрощение обязательно должно быть уравновешено системой гарантий, обеспечивающих законное и обоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности. Исследуя же практику производства сокращенного дознания, новеллы закона и мнения ученых по этому вопросу, можно с уверенностью сказать, что подобных гарантий совсем недостаточно» [4].

Таким образом, итоги истории развития уголовно-процессуального законодательства с древнейших времен и до нашего времени доказывает, что в любой исторический период, независимо от существовавшей формы государства, состояния законодательной базы, уровня юридической техники роль суда как основного субъекта института уголовно-процессуального доказывания признавалась и нормативно закреплялась в полной мере.

1.2 Понятие и значение уголовно-процессуального законодательства

На сегодняшний день под уголовно-процессуальным законодательством принято понимать совокупность правовых норм, регулирующих порядок возбуждения, расследования, судебного разбирательства и исполнения судебных решений в сфере уголовных дел. Оно определяет правовой статус участников процесса, их права и обязанности, а также процедуры и этапы уголовного судопроизводства.

Также его можно рассматривать как систему правил, обеспечивающих законность и справедливость при рассмотрении преступлений, а также защиту прав граждан и общества от преступных посягательств. Важным аспектом является то, что оно служит основой для функционирования судебной системы и гарантирует соблюдение правовых стандартов в процессе уголовного судопроизводства.

Как отмечается в литературе, «уголовный процесс является не только неотъемлемым элементом правовой системы, но и автономной отраслью права, наличие и классический (фундаментальный) характер которой никем не ставится под сомнение ни в России, ни в других странах. Отсюда возникает еще одно понятие, обозначающее совокупность правовых предписаний, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность, – уголовно-процессуальное право. В юридической терминологии оно является равноценным понятиям «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» – все три понятия близки друг другу и фактически обозначают одно и то же, будучи взаимозаменяемы и отличаясь лишь некоторыми смысловыми оттенками или, если угодно, углом зрения. В этом смысле понятие уголовно-процессуального права ставит акцент на нормативной регламентации уголовного процесса и его отраслевой автономии в системе права. Эта автономия сложилась исторически, когда, с одной стороны, между собой окончательно размежевались уголовно-процессуальное и уголовное право, а с другой стороны – уголовный и гражданский процессы.

Кроме того, особое значение для автономии уголовно-процессуального права имеет идея правосудия и теория полноты судебной власти» [16].

Значение уголовно-процессуального законодательства заключается в его способности создавать единые стандарты и процедуры, которые позволяют обеспечить законность и объективность при рассмотрении уголовных дел. Оно способствует формированию правового порядка, гарантирующего соблюдение прав человека на всех этапах уголовного судопроизводства. Кроме того, такое законодательство обеспечивает баланс между интересами государства в борьбе с преступностью и защитой прав граждан, что является важнейшим условием формирования справедливого и эффективного правового общества. Важной функцией является также создание условий для прозрачности и подотчетности судебных органов, что способствует укреплению доверия граждан к системе правосудия.

Уголовно-процессуальное законодательство играет ключевую роль в обеспечении законности, справедливости и эффективности уголовного судопроизводства в государстве.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство представляет собой совокупность правовых норм и правил, регулирующих порядок расследования, судебного разбирательства и исполнения судебных решений в сфере уголовного судопроизводства. Оно устанавливает правовые основы для осуществления правосудия в уголовных дела, определяет права и обязанности участников процесса, а также порядок взаимодействия между ними. Такое законодательство служит важным инструментом обеспечения справедливости, защиты прав граждан и общества в целом от преступных посягательств.

1.3 Характеристика структуры и принципов уголовно-процессуального законодательства

Уголовное судопроизводство осуществляется в соответствии конституционными и уголовно-процессуальными объединенными законодателем в гл. 2 УПК РФ.

Действующий уголовно-процессуальный закон в гл. 2 объединил в систему принципов следующие: назначение уголовного судопроизводства; разумный срок уголовного судопроизводства; законность при производстве по уголовному делу; осуществление правосудия только судом; независимость судей; уважение чести и достоинства личности; неприкосновенность личности; охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве; неприкосновенность жилища; тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; презумпция невиновности; состязательность сторон; обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту; свобода оценки доказательств; язык уголовного судопроизводства; право на обжалование процессуальных действий и решений.

Ряд авторов, взяв за основу гл. 2 УПК РФ, предлагают собственный вариант системы принципов. Разделяя высказанные учеными предложения о дополнении системы принципов действующего уголовно-процессуального законодательства, заметим, что, по мнению К. Ф. Гуценко, «тот факт, что среди принципов не оказалось некоторых провозглашенных в Конституции РФ принципов..., нельзя воспринимать как попытку законодателя ревизовать конституционные предписания или как его отказ от их осуществления в уголовном судопроизводстве» [32].

Ученый полагает, что «отсутствие в УПК РФ ссылок на конституционные предписания принципиального значения должно в обязательном порядке восполняться прямым (не зависящим от образовавшихся в уголовно-процессуальном законодательстве пробелов)

применением соответствующих норм Конституции РФ. Позволим высказать суждение о том, что принципы отрасли права потому и являются таковыми, что все они должны получить формальное закрепление в соответствующем нормативном акте, в противном случае главу о принципах уголовного процесса можно было бы считать излишней и руководствоваться лишь положениями Конституции РФ как актом, имеющим высшую юридическую силу и прямое действие. На основании этого придерживаемся точки зрения о необходимости расширения действующей системы принципов уголовного процесса» [32].

Как указывает О.Н. Фаталиев, «принцип гуманизма в правовом регулировании заключается в том, что человек, его права и свободы признаются высшей ценностью. Данное предписание установлено ст. 2 Конституции РФ. Таким образом, интересы человека, его права и свободы ставятся на первое место, они должны находиться в гармонии с общественными, государственными интересами, коллективными правами общностей. Возникающие между ними противоречия должны разрешаться в пользу интересов человека» [17].

Как указывает В. С. Молчанов, «рассматривая гуманизм с точки зрения принципа уголовного процесса, отметим, что он объективно необходим для отражения сущности и назначения уголовного судопроизводства, поскольку служит защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Данный принцип носит фундаментальный и императивный характер, проявляющийся в конкретных процессуальных нормах, в том числе и в нормах – запретах (например, запрещается проводить допрос несовершеннолетнего без перерыва более двух часов, а в общей сложности более четырех часов в день). Данный принцип обладает высокой степенью общности и получает дальнейшую конкретизацию и детализацию в соответствующих нормах уголовно-процессуального закона. Можно утверждать, что гуманизм по отношению к уголовному судопроизводству отличается значительной продолжительностью

существования, хотя в нормах уголовно-процессуального закона отражен не был. На наш взгляд, нельзя оспорить, что гуманизм отражает существующую действительность и основные закономерности развития общества, а также потребности общества в гуманизации уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Гуманизм имеет самостоятельное значение для реализации назначения уголовного процесса» [7].

Подтверждением данного тезиса может служить, например, ст. 389.18 УПК РФ в причинах отмены судебного приговора называет его несправедливость и гласит: «Несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости».

Таким образом, действующий уголовно-процессуальный закон в гл. 2 объединил в систему принципов следующие: назначение уголовного судопроизводства; разумный срок уголовного судопроизводства; законность при производстве по уголовному делу; осуществление правосудия только судом; независимость судей; уважение чести и достоинства личности; неприкосновенность личности; охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве; неприкосновенность жилища; тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; презумпция невиновности; состязательность сторон; обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту; свобода оценки доказательств; язык уголовного судопроизводства; право на обжалование процессуальных действий и решений.

Глава 2 Актуальные проблемы и направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства

2.1 Проблемы в сфере досудебного производства

Одной из важных стадий уголовного процесса является возбуждение уголовного дела. Вместе с тем, на практике имеют место быть определенные проблемы, связанные с ее реализацией. Главным образом, это связано с наличием правовых пробелов и недостатков в регламентации данного института, которые нуждаются в устраниении. Так, предлагается рассмотреть проблематику процессуальных сроков на такой стадии и последствий их нарушений, а также выявить тенденции правового регулирования по данному вопросу.

Так, статья 144 УПК РФ устанавливает срок рассмотрения сообщения о преступлении, порядок и сроки продления проводимой на стадии возбуждения уголовного дела проверки, определяя предельный срок не более 30 суток с момента регистрации такого сообщения (ч. 3). Возможность дальнейшего продления срока проверки настоящим законодательством не предусмотрена.

Анализ следственной практики показывает, что по сообщениям об очевидных преступлениях (обнаружение трупа с признаками насильственной смерти, кража, грабеж и так далее) трехсуготочного срока для принятия решения о возбуждении уголовного дела достаточно, даже при условии, если совершившее такое преступление лицо на момент вынесения соответствующего постановления не установлено [29].

Вместе с тем, как указывает М.А. Варламова, что «до возбуждения уголовного дела проводят ряд следственных действий. Особое внимание следует уделить проведению судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела. Зачастую при проведении судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела 30 суток не всегда достаточно для того, чтобы получить заключение эксперта. В связи с этим орган дознания, дознаватель,

следователь, соблюдая процессуальные сроки, установленные УПК РФ, вынуждены до завершения производства судебных экспертиз выносить заведомо необоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду истечения предельного срока проверки» [5].

Как справедливо отмечает в данной связи К.А. Костенко, «имеется недостаточность предусмотренного УПК РФ срока проверки сообщения о преступлении и вынужденное в связи с этим принятие заведомо необоснованного процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела, в то время как фактически необходимые для установления признаков того или иного преступления обстоятельства еще подвергаются тщательному исследованию, преимущественно ввиду производства судебной экспертизы» [14].

В данной связи актуально говорить о необходимости продления срока в таких ситуациях. Вместе с тем, такое положение (о продлении) должно быть предусмотрено лишь для исключительных случаев (предлагается только для проведения судебных экспертиз).

В свою очередь, на практике имеется и иная проблема с соблюдением процессуальных сроков на рассматриваемой стадии. Как уже было указано, 30 суток – максимально возможный срок проверок сообщений о преступлении с учетом всех ходатайств и продлений, который предусмотрен ст. 144 УПК РФ. Правоприменителю, осуществляющему такую проверку, необходимо принять решение исходя из положений ч. 1 ст. 145 УПК РФ. Варианты решений могут быть следующие: возбуждение или отказ в возбуждении уголовного дела или передача сообщения по подследственности (при отсутствии оснований для последнего принимается один из первых вариантов – возбуждение дела или отказ в возбуждении).

Незавершенность полноценной проверки правоприменителем всей фактической стороны дела может привести только ко второму варианту (отказу от возбуждения дела), однако этот вариант часто не является конечным, так как

ничто не мешает в дальнейшем снова вернуться к осуществлению проверки по данному делу.

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела не лишена пробелов в правовом регулировании. Особенно явно они прослеживаются в рамках регламентации процессуальных сроков. Так, были выявлены следующие проблемы.

В ряде случаев 30 суток недостаточно для получения заключения эксперта, что влечет за собой необходимость правоохранительными органами принятия решения об прекращение уже возбужденного уголовного дела.

В целях исключения и принятия заведомо необоснованных и незаконных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела и фактов нарушения срока проверки сообщения о преступлении, представляется обоснованным внесение изменений в ст. 144 УПК РФ путем дополнения ч. 3 следующим положением: «В исключительных случаях, при необходимости проведения судебных экспертиз, на производство которых требуется продолжительное количество времени, срок проверки сообщения о преступлении может быть продлен прокурором субъекта РФ до 90 суток. Необходимость продления срока должна быть мотивирована».

2.2 Проблемы в сфере судебного производства

Необходимость существования мер безопасности проявляется не только на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, но и в судебном разбирательстве. Ряд таких мер предусмотрены непосредственно в УПК РФ.

Например, п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ предусмотрено, что «закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления суда в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц» [28].

Так, в одном из примеров суд указал, что вопреки доводам жалобы, решение о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании не противоречит требованиям закона, поскольку п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ предусматривает проведение закрытого судебного заседания с целью обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, в данном случае в материалах уголовного дела имелись персональные данные большого количества (50) граждан [20].

Примечательно отметить, что п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ применялся, например, в период коронавирусной инфекции. Суд также обосновывал это тем, что проведение закрытого судебного разбирательства в таких условиях необходимо для обеспечения безопасности участников процесса.

Кроме того, еще одна мера установлена в ч. 5 ст. 278 УПК РФ, а именно «при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чём суд выносит определение или постановление» [28].

На практике данное положение закона получило широкое распространение. Иными словами, данная мера обеспечения безопасности находит активное применение в судебной практике. Так, в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2024 № 77-4229/2024 указано, что допрос свидетеля под псевдонимом «ФИО21» был осуществлен с соблюдением положений ч. 5 ст. 278 УПК РФ, суд удостоверился в личности данного свидетеля и наличии оснований для сохранения его личных данных в тайне [19].

Исходя из анализа судебных актов, можно сделать вывод о конкуренции права на состязательное и открытое судебное разбирательство с правом на обеспечение безопасности участников судопроизводства. Именно такая мотивировка (нарушение права обвиняемого на состязательное и открытое

судебное разбирательство) достаточно часто заявляется в суд при оспаривании проведения закрытого судебного разбирательства и проведение «засекреченного» допроса.

Для разрешения данной проблемы в научной литературе предлагается внести изменения в УПК РФ. Например, Л.А. Александрова считает, что «необходимо создание специального порядка рассекречивания исключительно для адвоката-защитника с получением его расписки о неразглашении и предупреждением об ответственности по ст. 311 УК РФ» [1].

В определенной степени такая позиция может быть взята во внимание при разрешении конкуренции принципов уголовного судопроизводства и обеспечения безопасности его участников.

Кроме того, В.Д. Потапов отмечает, что «в судебных стадиях производства по уголовному делу действует общее условие гласности судебного разбирательства и отсутствие секретности делопроизводства по уголовному делу, включая его последующее хранение в архиве суда с возможностью доступа к нему посторонних лиц» [22].

Действительно такое положение дел может поставить под угрозу вопрос о безопасности участников процесса, которые фактически они получили в период судебного разбирательства. Однако меры защиты должны действовать и после оглашения судебного решения, поскольку цель таких мер должна быть связана не только с возможным воздействием на участников процесса, которые могут изменить свои показания или отказаться от них, но и должна быть направлена на обеспечение их личной неприкосновенности (например, на тот случай, если заинтересованное лицо захочет расправиться со свидетелем, близкими родственниками потерпевшего или иными участниками уголовного судопроизводства).

Кроме того, при анализе особенностей обеспечения безопасности участников уголовного процесса в судебном разбирательстве, хотелось бы особое внимание акцентировать на обеспечении безопасности защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания

наказания. В рамках УПК РФ данным мерам фактически уделяется недостаточно внимание, как и достаточно обобщенно они урегулированы в ФЗ № 119.

К примеру, И. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным и отмене постановления начальника ФКУ ИК-49 УФСИН России по Республике Коми о переводе в безопасное место на 90 суток и помещен в камеру транзитно-пересыльного пункта. В обоснование заявленных требований указал, что в отношении него возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 159 УК РФ. Он был помещен на 24 часа до прихода начальника ИК-49 в помещение транзитно-пересыльного пункта. Однако такой перевод возможен только в экстренных случаях, когда иными мерами невозможно пресечь совершающееся преступление или злостное нарушение режима. Перевод в безопасное место совершен в связи с возбуждением уголовного дела и используется вместо меры процессуального пресечения, что незаконно. С заявлением об угрозе личной безопасности не обращался и считает, что какая-либо угроза его безопасности со стороны осужденных отсутствовала. Находясь в камере транзитно-пересыльного пункта, был лишен нормальных коммунально-бытовых условий, которыми без специального разрешения пользуются осужденные, проживающие в общежитиях. Учитывая наличие реальной угрозы личной безопасности И., суд указал о том, что в первую очередь он является осужденным, поскольку отбывает наказание в местах лишения свободы, и несмотря на то, что он является и участником уголовного судопроизводства, в силу вышеизложенного законодательства ответственность за его безопасность несет начальник ФКУ ИК-49, который в силу предоставленных ему полномочий УИК РФ вправе выносить постановление о переводе в безопасное место на срок, установленный Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений [2].

Одной из основных проблем, которые особенно наглядно можно продемонстрировать примерами из практики правоприменения, является реализация принципа состязательности сторон и вступление его в

противоречие с обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства.

Фактически исключением из принципа состязательности сторон являются меры, которые могут быть реализованы с целью обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем, на практике это ставит в неравное положение сторону обвинения и защиты. Именно поэтому имеется достаточно большое количество примеров, по которым защитники обжалуют приговор, вынесенный судом первой инстанции. При этом ч. 3 ст. 11 УПК РФ неоднократно была предметом исследования и Конституционного Суда РФ, что также указывает на спорность ее положений, и вступление их в противоречие с основополагающими принципами уголовно-процессуального законодательства.

Например, в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.10.2024 № 77-3827/2024 недопустимым доказательством защитник считает показания свидетеля, данные о котором засекречены, допрошенного под псевдонимом «ФИО2», поскольку оснований применения мер безопасности к указанному лицу не имелось, что указывает о нарушении требований ч. 3 ст. 11 УПК РФ [19].

Он считает недостоверными показания данного свидетеля о том, что в начале августа 2023 года, в ходе телефонного разговора ФИО14 сообщил о брошенной Б. гранате, поскольку на основании постановления Валуйского районного суда осуществлялось прослушивание и фиксирование телефонных переговоров ФИО14, такой разговор был зафиксирован и представлен суду в качестве доказательства. Вместе с тем, из протокола осмотра предметов от ДД.ММ.ГГГГ следует, что имеющих отношение к совершенному преступлению разговоров ФИО14 не вел, а следовательно разговор с засекреченным свидетелем по телефону не было. Защитник не соглашается с выводом суда о том, что ФИО14 мог позвонить ранее ему знакомому, засекроченному свидетелю по иному абонентскому номеру, поскольку на основании постановления суда любой звонок от ФИО14 подлежал фиксации.

В Кассационном определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2020 № 77-2/2020 защитник указал, что показания свидетеля под псевдонимом Иванова, являются недопустимым доказательством, поскольку засекречивание свидетеля произведено с существенным нарушением требований ч. 3 ст. 11 УПК РФ, в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства о поступлении угроз в адрес свидетеля Ивановой. Считает, что показания Ивановой противоречат установленным судом обстоятельствам дела, просмотренной в судебном заседании видеозаписи [11].

Однако как в первом, так и во втором примере суд указал на правомерность применения мер безопасности к свидетелям и отсутствие необходимости рассекречивания сведений о них. При этом не было выявлено ни одного судебного акта, в котором суд бы согласился с доводами защитника и указал на недопустимость доказательств, которые представлены, например, «засекреченным» свидетелем. Вместе с тем, представляется, что нельзя исключать возможность злоупотреблений правами со стороны участников процесса, которые воспользовались мерами безопасности. Учитывая, что сам исследуемый институт фактически вступает в противоречие с принципом состязательности, считаем необходимым более конкретизировано урегулировать оценочные термины, которые используются в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, а именно речь идет о «достаточных данных» (конкретизировать критерии, по которым определяется достаточность таких данных), а также «иные опасные противоправные деяния». Правовая определенность по данным важным вопросам, которые дают основания для применения мер безопасности к участнику процесса, который о них ходатайствует, позволит создать баланс между правами стороны обвинения и защиты, а также исключить злоупотребления правами, ставя в неравное положение обвиняемого (подозреваемого).

Кроме того, следует отметить, что УПК РФ недостаточно регламентирует обеспечение безопасности обвиняемого (подозреваемого).

Однако на практике это не менее актуальный участник уголовного судопроизводства, который в ряде случаев также нуждается в мерах безопасности. В частности, ст. 11 УПК РФ не содержит ссылки на меры, которые были бы урегулированы именно УПК РФ в отношении обвиняемого (подозреваемого), хотя и они находят свое правовое отражение в ФЗ № 119-ФЗ.

Например, п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ устанавливает, что «...в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого материалы уголовного дела, идентифицирующие его личность, изымаются из возбужденного уголовного дела и приобщаются к уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого, выделенному в отдельное производство» [28].

При этом исключается возможность вынесения приговора или иного итогового судебного решения в случаях, когда положения п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ являются невыполнимыми (в их взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ), что следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» [21].

Примечательно отметить, что такая конкретизация Пленумом Верховного Суда РФ п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ является следствием достаточно обширной практики несоблюдения положений данной нормы и, как следствия, нарушения прав таких подозреваемого или обвиняемого, в т.ч. на безопасность.

Однако УПК РФ лишен системного изложения мер безопасности, на которые могут претендовать такие участники уголовного судопроизводства в рамках отдельной статьи (в т.ч. нет ссылки на такие меры и в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, о чем уже было отмечено ранее).

Вместе с тем, на практике актуально обеспечение безопасности обвиняемого (подозреваемого), когда последний являлся одним из участников

организованной группы и предоставил правоохранительным органам сведения об иных участниках такой группы (преступниках).

Так, Е.Е. Федотов отмечает, что презюмируется распространение мер безопасности и на подозреваемого (обвиняемого), которые установлены в рамках ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Вместе с тем, правовые положения УПК РФ, которые устанавливают статус обвиняемого и подозреваемого (ст. 46 и ст. 47 УПК РФ) не регламентируют право таких лиц на обеспечение безопасности [34].

Следует согласиться с позицией Е.Е. Федотова, поскольку в УПК РФ действительно не прописаны конкретные меры обеспечения безопасности для подозреваемых и обвиняемых. Это может привести к ситуации, когда такие лица остаются без защиты в условиях угрозы их жизни или здоровью. Если меры безопасности не предусмотрены для обвиняемых и подозреваемых также четко, как для свидетелей и потерпевших, это создает неравенство в процессе. Обвиняемые могут оказаться более уязвимыми по сравнению с другими участниками процесса. При этом об этом свидетельствует обширная практика правоприменения, в которой обвиняемые и их защитники ссылаются на ч. 3 ст. 11 УПК РФ, как нарушающей их права в том или ином случае.

Таким образом, реализация принципа состязательности сторон в уголовном процессе должна сопровождаться адекватными мерами обеспечения безопасности всех участников – как со стороны обвинения, так и защиты. Презумпция распространения мер безопасности на подозреваемого (обвиняемого) согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ является важным шагом в этом направлении. Вместе с тем, отсутствие четких норм о праве таких лиц на обеспечение безопасности создает правовую неопределенность и риски. В данной связи представляется важным внесение законодательных дополнений, направленных на защиту прав всех участников уголовного судопроизводства с учетом их безопасности, в т.ч. обвиняемых и подозреваемых.

В качестве третьей проблемы необходимо выделить отсутствие градации мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства,

которые были бы актуальны для стандартных, а также особых условий. Речь идет о трансформации угроз, которые в настоящее время, например, могут носить цифровой и политических характер (в современных реалиях последних пяти лет).

В данной связи в научной литературе отмечается ограниченность существующих мер, которые не учитывают потенциально опасные угрозы. Например, В.А. Гаужаева, Д.М. Сафонов указывают, что «предложенные меры явно недостаточны. Они касаются лишь ряда процессуальных действий, выбранных по неустановленному нами критерию, и, кроме того, основанием для их применения выступает лишь угроза - то есть ситуация, когда создается опасность. Между тем они не направлены на защиту от опасности, когда ее источник не выявлен и на защиту в целом, когда наличие опасности не установлено, но можно полагать что она присутствует. Полагаем, что без мер, направленных на снижение опасности участников уголовного судопроизводства, на повышение в целом защитных функций органов внутренних дел, их защита будет недостаточной и не обеспечит реализацию назначения уголовного судопроизводства в стандартных и особых условиях» [6].

Установленные законодателем меры ограничиваются лишь отдельными процессуальными действиями и основаны на угрозе или опасности, которая уже создалась или очевидна. Такой подход не учитывает необходимость профилактических мер, направленных на снижение вероятности возникновения опасных ситуаций и укрепление общей системы защиты.

Как следствие, возникает необходимость по расширению перечня мер, с помощью которых осуществляется обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства.

В данной связи следует учесть следующие меры:

- Разработка системы профилактических мероприятий (например, разработка и внедрение комплексных программ оценки рисков,

позволяющих выявлять потенциальные источники опасности еще на ранних этапах расследования)

- Меры по снижению источников опасности (например, проведение профилактической работы с участниками процесса, в том числе с подозреваемыми и свидетелями, для предотвращения конфликтов);
- Обеспечение защиты в условиях неопределенности (например, разработка протоколов реагирования в ситуациях, когда источник опасности не установлен, но существует вероятность ее появления).

Реализация этих мер позволит не только реагировать на уже возникшие угрозы, но и значительно снизить вероятность их появления, повысить уровень защиты участников уголовного судопроизводства и обеспечить выполнение целей правосудия в любых условиях.

В качестве еще одной проблемы следует назвать неосведомленность участников уголовного судопроизводства о своих правах на применение к ним мер безопасности, если имеются для этого основания. Представляется, что преимущественное количество случаев угроз остаются без внимания, поскольку лица не прибегают к мерам защиты. В частности, потому что они не знают о своем праве на безопасность, как участника уголовного процесса.

Например, потерпевший познакомился с Т.А. в рамках уголовного дела в отношении К. и Ш. Т.А. давал ему деньги, в том числе просил поменять показания в отношении К. и Ш. Во время разговоров о даче показаний, Т.А. повышал голос на потерпевшего, говорил, что ему будет плохо, если он не поменяет показания, нанес бутылкой удар по голове. Угроз убийством Т.А. не высказывал [3].

На практике участники процесса, особенно свидетели и потерпевшие, а также их родственники, могут не в полной мере осознавать серьезность высказываемых угроз причинения вреда жизни и (или) здоровью им или их близким. Более того, не имеют осведомленности о том, что даже с такими угрозами, как в приведенном выше примере из судебной практики, они имеют

право обратиться в правоохранительные органы и инициировать вопрос о применении к ним мер безопасности.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить некоторые актуальные проблемы законодательной и правоприменительной практики в области обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. В частности, в качестве таковых были выделены следующие: вступление в противоречие принципа состязательности и института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства; недостаточная конкретизация оценочных терминов в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которые используются при регламентации обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (речь идет о «достаточных данных» (конкретизировать критерии, по которым определяется достаточность таких данных), а также «иные опасные противоправные деяния»); отсутствие системных положений в УПК РФ, которые бы устанавливали систему мер безопасности, особенно в отношении подозреваемых и обвиняемых; отсутствие градации мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, которые были бы актуальны для стандартных, а также особых условий; неосведомленность участников уголовного судопроизводства о своих правах на применение к ним мер безопасности, если имеются для этого основания [33].

Таким образом, законодатель установил отдельные меры обеспечения безопасности участников уголовного процесса в судебном разбирательстве в УПК РФ. Однако на практике достаточно часто встает вопрос о конкуренции принципов уголовного судопроизводства (состязательность и гласность) и обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Кроме того, перечень мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса в судебном разбирательстве нуждается в систематизации.

Глава 3 Направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства

3.1 Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере досудебного производства

При анализе судебно-следственной практики можно выявить, что достаточно часто имеет место быть затягивание сроков на стадии возбуждения уголовного дела, пользуясь «лазейкой» в законодательстве, позволяющей вернуться к рассмотрению дела после отказа в его возбуждении (по истечении максимально возможных по уголовно-процессуальному законодательству срока в 30 суток), и о возвращении прокурором дела на доследование. По 76-78 % принятых в производство уголовным делам было вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Такая ситуация в итоге приводит к фактическому нарушению установленных законом сроков на рассмотрение дела (с момента его поступления в производство), то есть превышение максимально возможных для рассмотрения дела 30 суток (до 70 % дел) [18].

Очевидно, что в этом случае постановление об отказе не является результатом обоснованного решения, а лишь средством соблюдения установленных законом сроков. В то время как достаточным основанием для начала новой проверки является аргументация о неполном объеме выполненных следственных и прочих мероприятий, приведших к постановлению об отказе в возбуждении дела в связи с окончанием сроков. Такая ситуация подтверждается, по исследованиям В. И. Кушнерева, в более чем 50 % случаев. Отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве положений об ограничении повторных проверок по уже рассматриваемым делам приводит к возможности неограниченного их количества. То есть фактически проверки могут длиться бесконечно (указанные в законе сроки легко можно обойти, что и происходит на практике) [18].

Кроме того, наиболее дискуссионным на сегодняшний день является вопрос о реализации принципа состязательности сторон в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Главным образом это связано с тем, что положения Конституции РФ указывают именно на то, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» (ст. 123). В связи с этим в научной среде возникла полемика о реализации принципа состязательности сторон именно в досудебных стадиях [15].

Так, в нынешнее время следователь фактически относится к стороне обвинения. Одновременно он выступает и лицом, расследующим уголовные преступления. Как следствие, происходит совмещение двух ролей, что также противоречит принципу состязательности (в связи с этим ранее особенно акцентировалось внимание в научном сообществе на учреждении следственных судей). При этом защитник в таком случае находится не в самом выгодном положении.

Так, положения УПК РФ в большей степени посвящены регламентации участия в уголовном судопроизводстве стороны обвинения. В свою очередь, встает под сомнение краеугольный принцип состязательности уголовного процесса, а также принцип равенства сторон участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, сложившаяся ситуация требует внесение соответствующих изменений в положения уголовно-процессуального законодательства.

Таким образом, необходимо содержательным образом в рамках УПК РФ раскрыть порядок собирания и представления доказательств по уголовному делу стороной защиты. Главным образом это связано со злоупотреблениями своими правами следователями, которые безосновательно не приобщают доказательства, предоставленные защитником, или указывают на то, что они получены не в соответствии с положениями действующего законодательства.

На сегодняшний день имеются определенные проблемы, связанные с реализацией принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Для реального воплощения данного принципа нами были

предложены способы совершенствования действующего законодательства. Представляется, что выдвинутые нами предложения в рамках настоящего исследования позволяют уйти от декларативности данного принципа на досудебных стадиях и воплотить его в практической реализации.

Таким образом, учитывая наличие фиксированных сроков предварительного расследования, при их истечении правоприменитель обязан принимать одно из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 158 УПК РФ. Однако по статистике, указанные в законе сроки превышаются на практике в несколько раз. Складываются ситуации с бесконечным числом проверок по одному делу, что ущемляет право граждан на обеспечение доступа к правосудию, но и существенно сказывается на расходах по содержанию органов предварительного расследования. Очевидно, что наличие таких обстоятельств, приводящих к искусственному затягиванию расследования дела, не может удовлетворять требованиям разумности судопроизводства.

Для разрешения данной проблемы необходимо установить в ст. 144 УПК РФ положения об ограничении количества повторных проверок по уже рассматриваемым делам (возможно предусмотреть общий максимальный срок и с учетом повторных проверок или предусмотреть максимально возможное количество повторных проверок). Проблему можно разрешить и путем легализации дальнейшего продления срока проверки (сверх 30 дней) в ст. 144 УПК РФ, но только при наличии аргументированных и мотивированных оснований. Если же имеет место быть искусственное (умышленное) затягивание сроков, то целесообразно за такое деяние привлекать к ответственности уполномоченных органов (например, предусмотреть состав преступления за умышленное затягивание сроков).

Представляется, что внесение таких изменений в законодательство позволит повысить эффективность стадии возбуждения уголовного дела, уменьшить количество случаев нарушения процессуальных сроков и незаконных отказов в возбуждении уголовного дела.

3.2 Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере судебного производства

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства является одной из важных гарантий достижения цели современного российского уголовного правосудия, а именно привлечения виновного или освобождения невиновного от наказания. В данной связи функционирование данного института должно быть лишено недостатков, которые имеют место быть на сегодняшний день в рамках правового регулирования.

Так, в рамках предыдущего параграфа были выявлены некоторые проблемы, которые нуждаются в разрешении. Как следствие, далее будут представлены пути решения по вопросу восполнения выявленных пробелов и недостатков в регламентации обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

В качестве первой проблемы акцент был сделан на имеющейся дискуссии между принципом состязательности уголовного судопроизводства и мерами обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, которые фактически выступают неким изъятием, исключением из указанного принципа.

Вместе с тем, для обоснованности принятия таких мер необходимо наиболее предметно урегулировать сам институт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. В частности, конкретизировать оценочные термины, которые употребляются законодателем при регламентации данной сферы. Речь идет о «достаточных данных» (конкретизировать критерии, по которым определяется достаточность таких данных), а также «иные опасные противоправные деяния».

Предлагаем дополнить ст. 11 УПК РФ примечанием 1, которое изложить следующим образом: достаточные данные о наличии угрозы потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам могут быть определены на основе совокупности таких

факторов, как наличие письменных или устных заявлений от указанных лиц о полученных угрозах, а также показаний свидетелей, подтверждающих факты насилия или угроз; наличие фактов предыдущих инцидентов, таких как зарегистрированные случаи насилия или угроз в отношении этих лиц в прошлом, а также объективные признаки угрозы, например, наблюдение за ними или повреждение их имущества.

Дополнительно на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ следует конкретизировать ч. 3 ст. 11 УПК РФ, указав, что информация от правоохранительных органов также играет значительную роль в обеспечении достаточности данных о наличии угрозы потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства. В частности, сообщения о возможных угрозах и результаты оперативно-розыскных мероприятий могут указывать на реальную опасность. Анализ обстоятельств дела, включая мотивы лица, которое может представлять опасность и его поведение, а также установление связи между ним и потенциальной жертвой, также необходимо для оценки уровня угрозы. Психологическое состояние лица, нуждающегося в применении к нему мер безопасности, может дополнительно подтвердить наличие страха за безопасность, что может быть оценено с помощью заключения эксперта.

Во внимание могут быть взяты и сообщения из социальных сетей и других коммуникационных каналах, которые помогут выявить угрожающие высказывания.

Кроме того, как уже было указано ранее, нуждается в конкретизации формулировка «иные опасные противоправные деяния» в контексте ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Представляется, что она также могла бы быть конкретизирована на законодательном уровне.

Например, она может быть раскрыта через определение критериев, которые помогут установить, какие действия могут угрожать безопасности потерпевшего, свидетеля или других участников уголовного судопроизводства.

К таким критериям относятся угроза физической расправы, которая может проявляться в действиях или высказываниях, интерпретируемых как намерение причинить физический вред, включая запугивание, преследование или шантаж.

Важно также учитывать вред имуществу, когда деяния направлены на уничтожение или повреждение собственности потерпевшего или его близких, например, вандализм или поджог.

Психологическое давление также является значимым фактором: действия, создающие атмосферу страха и тревоги у потерпевшего или свидетеля, такие как постоянные звонки и сообщения с угрозами, могут служить основанием для применения мер безопасности. Кроме того, преступления против личности, включая клевету и распространение ложной информации с целью дискредитации репутации указанных лиц, также, на наш взгляд, могут быть квалифицированы как опасные деяния в контексте ч. 3 ст. 11 УПК РФ и являться основанием для применения мер безопасности к лицу, ходатайствующему о них.

Необходимо учитывать и организованную преступную деятельность. Например, участие в группах, угрожающих безопасности указанных лиц в связи с их деятельностью, может служить основанием для принятия мер. Особенно это касается таких участников уголовного судопроизводства как обвиняемый и подозреваемый.

Для квалификации в качестве «иных опасных противоправных деяний» может учитываться и использование технологий для преследования. Применение современных средств слежки и запугивания, также может быть основанием для применения мер безопасности.

Представляется, что установление вышеуказанных критериев на законодательном уровне позволит более точно определить случаи необходимости применения мер безопасности в рамках уголовного судопроизводства.

В контексте состязательного процесса актуализируется разработка эффективных теоретических положений и практических рекомендаций по осуществлению мер безопасности с помощью криминалистических инструментов. В частности, необходимо усовершенствовать методологические рекомендации по расследованию уголовных дел, связанных с незаконным воздействием на потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, а также тактические и криминалистические аспекты обеспечения безопасности защищаемых лиц.

В совокупности предложенные меры позволят придать серьезность регламентации института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, поскольку в настоящее время он является действительно важным и актуальным.

Содействие граждан в установлении доказательств в работе правоохранительных органов вызывает определенные противоречия. Интересы государства в борьбе с преступностью и законные интересы гражданина могут быть асимметричными.

В связи с этим государство должно создать необходимые и достаточные условия для мотивации такой помощи. В противном случае гражданин не сможет потенциально оказывать содействие в уголовном процессе, поскольку это может представлять угрозу его интересам (интересам близких родственников).

Особенно важно определить оптимальный баланс государственных и личных интересов в уголовном процессе. Граждане могут содействовать расследованию только тогда, когда они чувствуют себя в полной безопасности. При этом меры защиты должны быть обеспечены не только свидетелям и потерпевшим (их родственникам), но и подозреваемому (обвиняемому), способствующему уголовному правосудию.

Законодатель в большей степени регламентирует меры безопасности, применимые к свидетелям и потерпевшим, но крайне мало положений, которые бы были характерны для обеспечения безопасности обвиняемых и

подозреваемых, которые также являются участниками уголовного судопроизводства, и в ряде ситуаций нуждаются в защите со стороны уполномоченных органов.

Представляется, что конкретизация УПК РФ по данному вопросу позволит повысить эффективность защиты и обвиняемых, подозреваемых, нуждающихся в этом.

Была также выделена проблема неосведомленности участников уголовного судопроизводства о своих правах на применение мер безопасности, что является серьезным препятствием для обеспечения их защиты. Многие участники процесса могут не знать о том, что в случае угрозы их жизни или здоровью они имеют право на защиту, предусмотренную законодательством. Это приводит к тому, что случаи угроз остаются без внимания, а лица не обращаются за необходимой помощью и защитой.

В научной литературе указывается, что «в ст. 11 УПК РФ отдельно могла бы быть предусмотрена обязанность суда, прокурора, следователя, дознавателя разъяснить участникам уголовного судопроизводства их права, связанные с обеспечением их безопасности, в том числе, обязанность разъяснить положения, предусмотренные ст. ст. 23, 24 Конституции РФ, защищающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, информацию о частной жизни лица; положения ч. 3 ст. 11 УПК РФ; положения Федерального закона от 20.08.2004 № 119 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» предусматривающие применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, их близких родственников, родственников и близких лиц, имущества» [8].

Данное предложение видится обоснованным. Действительно на практике участники уголовного процесса не осведомлены о своем праве на обращение к уполномоченным органам с заявлением о применении к ним мер безопасности. В большей степени это является следствием правовой неграмотности.

В данной связи видится актуальным возложение на уполномоченных органов, перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, обязанности разъяснить положения, регламентирующие право участников уголовного судопроизводства на применение к ним мер безопасности, если на то имеются основания.

Представляется, что следует рассмотреть возможность введения обязательного информирования всех участников уголовного процесса о мерах безопасности на начальных этапах взаимодействия с правоохранительными органами (например, при обращении с заявлением в правоохранительные органы, на стадии возбуждения уголовного дела).

Кроме того, необходимо реализовать и организационные меры, которые будут способствовать осведомленности участников уголовного судопроизводства о своих правах в рамках применения к ним мер безопасности. Например, следует разработать и внедрить информационные программы и материалы, которые бы разъясняли участникам уголовного судопроизводства их права на безопасность. Это могут быть брошюры, видеоролики или онлайн-ресурсы, доступные как в правоохранительных органах, так и размещенные в судах.

Таким образом, выявленные проблемы нуждаются в разрешении путем внесения соответствующих изменений и дополнений. Особые законодательные поправки следует внести в УПК РФ с целью более четкого правового изложения института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Итоги истории развития уголовно-процессуального законодательства с древнейших времен и до нашего времени доказывает, что в любой исторический период, независимо от существовавшей формы государства, состояния законодательной базы, уровня юридической техники роль суда как основного субъекта института уголовно-процессуального доказывания признавалась и нормативно закреплялась в полной мере.

Уголовно-процессуальное законодательство представляет собой совокупность правовых норм и правил, регулирующих порядок расследования, судебного разбирательства и исполнения судебных решений в сфере уголовного судопроизводства. Оно устанавливает правовые основы для осуществления правосудия в уголовных делах, определяет права и обязанности участников процесса, а также порядок взаимодействия между ними. Такое законодательство служит важным инструментом обеспечения справедливости, защиты прав граждан и общества в целом от преступных посягательств.

Действующий уголовно-процессуальный закон в гл. 2 объединил в систему принципов следующие: назначение уголовного судопроизводства; разумный срок уголовного судопроизводства; законность при производстве по уголовному делу; осуществление правосудия только судом; независимость судей; уважение чести и достоинства личности; неприкосновенность личности; охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве; неприкосновенность жилища; тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений; презумпция невиновности; состязательность сторон; обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту; свобода оценки доказательств; язык уголовного судопроизводства; право на обжалование процессуальных действий и решений.

Особое внимание нами было уделено принципу гуманизма. Принцип гуманизма неразрывно связан с другими принципами уголовного процесса, в том числе с такими принципами, как принцип законности, уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности личности, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, презумпции невиновности и др. Принцип гуманизма действует на протяжении всех стадий уголовного судопроизводства.

Изложенное позволяет утверждать, что гуманизм как явление соответствует критериям отнесения его к принципам уголовного судопроизводства и нуждается в формальном закреплении его в отдельной статье гл. 2 УПК РФ, содержание которой могло бы быть следующим: «Принцип гуманизма. Принцип гуманизма уголовного процесса – это обусловленное общественным и государственным строем Российской Федерации основное руководящее положение, определяющее порядок деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, а также участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, защиты и иных участников уголовного судопроизводства; обусловленное нормами морали и нравственности, уважения, охраны и соблюдения прав, свобод и законных интересов личности; обеспечивающее реализацию назначения уголовного судопроизводства и общие правила построения всех стадий уголовного процесса».

Стадия возбуждения уголовного дела не лишена пробелов в правовом регулировании. Особенно явно они прослеживаются в рамках регламентации процессуальных сроков. Так, необходимо установить в ст. 144 УПК РФ положения об ограничении количества повторных проверок по уже рассматриваемым делам (возможно предусмотреть общий максимальный срок и с учетом повторных проверок или предусмотреть максимально возможное количество повторных проверок). Проблему можно разрешить и путем легализации дальнейшего продления срока проверки (сверх 30 дней) в ст. 144 УПК РФ, но только при наличии аргументированных и мотивированных

оснований. Если же имеет место быть искусственное (умышленное) затягивание сроков, то целесообразно за такое деяние привлекать к ответственности уполномоченных органов (например, предусмотреть состав преступления за умышленное затягивание сроков).

Представляется, что внесение таких изменений в законодательство позволит повысить эффективность стадии возбуждения уголовного дела, уменьшить количество случаев нарушения процессуальных сроков и незаконных отказов в возбуждении уголовного дела.

Проведенный анализ позволил выявить некоторые актуальные проблемы законодательной и правоприменительной практики в области обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. В частности, в качестве таковых были выделены следующие: вступление в противоречие принципа состязательности и института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства; недостаточная конкретизация оценочных терминов в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которые используются при регламентации обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (речь идет о «достаточных данных» (конкретизировать критерии, по которым определяется достаточность таких данных), а также «иные опасные противоправные деяния»); отсутствие системных положений в УПК РФ, которые бы устанавливали систему мер безопасности, особенно в отношении подозреваемых и обвиняемых; отсутствие градации мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, которые были бы актуальны для стандартных, а также особых условий; неосведомленность участников уголовного судопроизводства о своих правах на применение к ним мер безопасности, если имеются для этого основания.

Выявленные проблемы нуждаются в разрешении путем внесения соответствующих изменений и дополнений. Особые законодательные поправки следует внести в УПК РФ с целью более четкого правового изложения института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Так, нами была сформулирована редакция примечания 1,

которым следует дополнить ст. 11 УПК РФ. В рамках данного примечания предложены критерии для определения «достаточных данных», о которых речь идет в контексте ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Кроме того, сформулировано толкование определения «иных опасных противоправный деяний», а именно критериев их определения, которые могли бы являться основанием для применения мер безопасности.

Предлагаем также дополнить ч. 3 ст. 11 УПК РФ абзацем, который будет устанавливать обязанность уполномоченных органов, перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, разъяснить положения, регламентирующие право участников уголовного судопроизводства на применение к ним мер безопасности, если на то имеются основания.

Дополнительно предлагаем дополнить ст. 46 и ст. 47 УПК РФ правом подозреваемых и обвиняемых на обеспечение безопасности, по аналогии, как это указано в п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ.

Представляется, что сформулированные рекомендации по совершенствованию УПК РФ позволяют повысить эффективность института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александрова Л.А., Смирнов С.А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: проблемы правоприменения // Восточно-Европейский научный журнал. 2022. № 9 (85). С. 28-32.
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 04.04.2016 по делу № 33-2135/2016 // URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 01.03.25).
3. Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики № 22-856/2023 от 16.10.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qk1ChK4HSDm5/>. (дата обращения: 01.03.25).
4. Аристархов А. Трудности применения института дознания в сокращенной форме // Законность. 2016. № 12. С. 58-61.
5. Варламова М.А. Стадия возбуждения уголовного дела: проблемы и пути их решения // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 10(67). С. 142-146.
6. Гаужаева В.А., Сафонов Д.М. Уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в стандартных и особых условиях // Проблемы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 4. С. 22.
7. Давыдов В.А. Что понимать под принципами уголовного процесса // Уголовный процесс. 2019. № 10(178). С. 24-30.
8. Дзусов Р.С. Защита информации о личности как способ обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Новый юридический вестник. 2022. № 6 (39). С. 32-36.
9. Договор Руси с Византией 911 г. // Памятники русского права / Под ред. С.Ф. Юшкова. М., 1952. 304 с.
10. Ерпылев И.В. Развитие идеи о допустимости уголовно-процессуальных доказательств в уголовном процессе России до 1864 г. // История государства и права. 2014. № 21. С. 21-27.

11. # Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2020 № 77-2/2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 01.03.25).

12. Колоколов Н.А. Уголовно-процессуальный закон: феномен, который толкует по-своему // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3. С. 2-16.

13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144.

14. Костенко К.А. О сроках проведения проверки сообщения о преступлении // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 2 (24). С. 85-89.

15. Кошмина А.С. Принцип состязательности сторон: проблемы законодательного применения // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения : Сборник статей VI Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 24 апреля 2020 года / Ответственный редактор Т.К. Рябинина, редакция О.С. Пашутина А.В. Лясковец; Юго-Западный государственный университет. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 82-85.

16. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – 2-е изд., испр. - М. : Статут, 2023. 1278 с.

17. Молчанов В.С. К вопросу о реализации некоторых принципов уголовного процесса // Молодежь и наука: реальность и будущее : Материалы XI Международной научно-практической конференции, Невинномысск, 28 марта 2018 года / Редакция: Т.Н. Рябченко, Е.И. Бурьянова. Невинномысск: Невинномысский институт экономики, управления и права, 2018. С. 432-433.

18. Нуркаева М.К. Некоторые проблемы реализации принципа разумного срока в досудебном производстве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2024. № 2 (67). С. 20-24.

19. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2024 № 77-4229/2024 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 01.03.25).

20. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23.04.2024 № 77-1295/2024 // URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 01.03.25).

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 1996.

22. Потапов В.Д., Ланшаков Д.С. Уголовно-процессуальная деятельность по устраниению причин, способствовавших разглашению сведений о мерах безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 73 УПК РФ) // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 2. С. 58-63.

23. Прокофьева С.М. Становление и развитие института доказательств в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 102-107.

24. Псковская ссудная грамота. Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953. 442 с.

25. Соборное уложение 1649 г. Памятники русского права. Вып. 6. М., 1957. 503 с.

26. Судебник 1497 г. Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. 527 с.

27. Судебник 1550 г. Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. 633 с.

28. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

29. Урывкова А.Е. Некоторые проблемы правового регулирования процессуальных сроков в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. № 4 (2). С. 120-133.

30. Устав уголовного судопроизводства (прин. 20 ноября 1864 г.) //
Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. Том 8 / Отв. ред.
Б.В. Виленский; под общ. ред. О.И. Чистяков. - М., 1991. 589 с.

31. Химичева О.В., Химичева Г.П. Дифференциация как основной тренд
современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского
университета МВД России. 2018. № 1. С. 33-36.

32. Фаталиев О.Н. Принципы уголовного процесса: понятие, значение и
общая характеристика // Проблемы совершенствования законодательства :
сборник научных статей студентов юридического факультета. Махачкала :
Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2019. С. 348-351.

33. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О
государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников
уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34.
Ст. 3534.

34. Федотов Е.Е. Обеспечение мер безопасности в отношении
подозреваемого (обвиняемого) и других участников уголовного
судопроизводства // Молодой ученый. 2024. № 18 (517). С. 276-279.